

«НАЛОГИ НА ГРЕХ»: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ «СОМНИТЕЛЬНЫХ ДОХОДОВ»

*Комягин Дмитрий Львович,
доктор юридических наук, профессор,
НИУ «Высшая школа экономики»,
e-mail.ru: dkomygin@hse.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме допустимости извлечения государством дохода из тех или иных «сомнительных» источников (иначе - эксплуатация порока). Многовековая дискуссия по данной проблеме, существует как в рамках экономической науки, так и науки финансового права, и остается актуальной сегодня.

Предлагается выделить несколько групп «налогов на грех», в числе которых есть, во-первых, такие, которые соответствуют этическим ценностям и выражают заботу законодателя (правительства) о здоровье гражданина и (или) защите окружающей среды, во-вторых – абсолютно недопустимые (от торговли тяжелыми наркотиками, работоторговли, военной агрессии, иные). Отрицательное отношение к этим явлениям фундировано базовыми ценностями (жизнь, здоровье, безопасность). Безусловно негативный характер имеют репрессии с целью передела собственности (исторические «проскрипции», «экспроприация» и т.д.). В-третьих, некоторые доходные источники существуют в состоянии «полупризнания» в силу исторических, экономических, культурных причин (торговля алкоголем, табаком, организация азартных игр, иные). Таковы сомнительные (инфляционные) источники доходов негативно влияющие на перспективы развития человеческого капитала.

Ключевые слова: государственные финансы, этика, публичные доходы, «налог на грех», сомнительные доходы, инфляционные доходы, экспроприация, дискриминационные налоги, винные доходы

Non olet pecunia

лат.

Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо
порок;

Достатка – все тому свидетель –
Не даст ему лишь добродетель

Бернард Мандевиль

Введение. Как передано Светонием, римский император Веспасиан (69-79 н. э.) на упрек своего военачальника и преемника Тита по поводу «vectigal urinae» (туалетного налога) ответил, что деньги не пахнут.

Данный диалог можно обозначить как начало дискуссии по поводу допустимости извлечения государством дохода из тех или иных «сомнительных» источников. Перечень таких источников может различаться в зависимости от времени и пространства, будучи связанным с этическими воззрениями в обществе.

В свое время вызвало большой резонанс прямое утверждение Бернарда Мандевиля о том, что эксплуатация пороков является необходимым условием развития экономической жизни и, более того, существования государства (впрочем, он был не первым)¹.

Не вдаваясь в анализ литературы, связанной с экономическим поведением человека (количество таких исследований экстремально велико²), можно вспомнить, что А. Смит (1723-1790) закончил мысль Мандевиля, введя в оборот идею симпатии, которая лежит в основе экономических решений. Однако более близок к обозначенной теме Иеремия Бентам (1748-1832), который отличал порок от добродетели через тщательный расчет их последствий, в том числе и для общества³. Также широко известна «пирамида потребностей» А. Маслоу (1908-1970), которая объясняет поведение человека следованием таким группам потребностей, как: физиологические; безопасности (в том числе желанию комфорта, постоянства жизненных условий); социальные (в том числе заботы, уважения); престижные; духовные. Эти потребности представлены в иерархическом виде, то есть в форме пирамиды, в основе которой лежат физиологические потребности. Впрочем, иерархия может изменяться в индивидуальном порядке, что значительно усложняет картину.

В то же время нельзя не признать, что базовые моральные ценности во многом имеют универсальный и неизменный характер. Замечено, что «этика добродетелей, возможно, и не является изобретением человечества, тогда как этика пороков есть сугубо человеческое изобретение»⁴.

Перечни прегрешений, то есть границ допустимого поведения, известны, например, еще из таких древних текстов, как шумерская клинопись, хеттские и вавилонские надписи⁵, египетская книга мертвых¹, а

¹ Это было сделано в аллегорической форме (так называемая «Басня о пчелах»), а также и без аллегорий, в рамках последующей полемики.

² Подробнее см.: Комягин Д. Л. Субъект или образ? Этические и правовые аспекты моделирования человека // в кн.: Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния / под ред. В. А. Виноградова. М., 2023. Гл. 1.3. С. 45-62.

³ Бентам написал в 1787 году известное сочинение «Defense of usury» (Защита лихвы). Труды И. Бентама близки избранной теме, так как разработанные им «кодексы» законов в свое время действительно послужили основой законодательства.

⁴ Назаров В.Н. Этико-философские и культурные основания феномена пороков // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). Вып. 38.

⁵ Тексты, приведенные в известной книге Сэмюэля Крамера «История началась в Шумере», Кодекс Хаммурапи, хеттский кодекс и т.д.

также, разумеется, из пятикнижия Моисея, послужившего основой библейского канона и, в целом, современных мировых авраамических религий. Такие «этические своды» в своей основе не отличаются от современных взглядов на пределы допустимого поведения. Сами по себе человеческие страсти и порочные склонности еще не влекут негативных экономических последствий, но, как учит амартология (христианское учение о грехе), и показано в знаменитой «Лестнице» Иоанна Лествичника, невоздержанность в одной страсти неизбежно ведет к ее усилению и появлению иных страстей. Движимый страстями человек (например, страдающий алкоголизмом, наркоманией, игроманией) помимо разрушения собственной личности, превращается в бремя для общества и даже становится общественно опасным.

Финансы и этика. Вопросами этики буквально пронизаны не только экономические теории, но также все институты публичных финансов и финансового права. При этом они часто имеют более прикладной характер, что и составляет предмет настоящей статьи.

Например, давно поставлен вопрос о допустимости (этичности) тех или иных публичных (бюджетных) расходов. Важнейшим критерием введения новых расходов является их соответствие государственным потребностям, поскольку «потребность, не вызываемая течением государственной жизни, не должна существовать, так как это фальшивая потребность»².

Авторы «Плана финансов», подготовленного в рамках реформы М.М. Сперанского в начале XIX в., все расходы делили на необходимые, полезные, избыточные и бесполезные. «Необходимыми расходами должно считать все те, без коих внутренняя и внешняя безопасность государства стоять не может; полезными – те, кои принадлежат единственно к гражданскому усовершенствованию; избыточными – те, кои принадлежат к некоторой роскоши и великолепию государства; наконец, излишние и бесполезные суть те, кои употребляются против разума истинной государственной экономии, на предметы, для правительств посторонние и по существу своему принадлежащие к частной промышленности»³.

Профессором Демидовского лицея А.А. Исаевым в нач. XX в. был прочитан курс лекций о благотворительности (впервые издан в 2016 году), где он впервые говорит, в числе прочего, о непосредственной связи социальных расходов (уровня государственного призрения, благотворительности) и преступности⁴.

¹ Т.н. 125 глава египетской книги мертвых.

² Лебедев В. А. Финансовое право: учебник. Т. 2. М., 2000. С. 119.

³ У истоков финансового права. М., 1998. С. 44-45.

⁴ Исаев А. А. Благотворительность и общественное призрение // Реформы и право. 2016. № 4. С. 40-58.

Более известной, однако, является политэкономический дискурс об этичности установления налогов. Граница допущения тех или иных источников публичных доходов отражает, в первую очередь, систему моральных воззрений общества. Убедительным кажется утверждение, что извлечение государством доходов от производства и торговли наркотиками, алкоголем, организации азартных игр представляет собой форму легализации и поощрения пагубных страстей. Таким же убедительным выглядит предположение, что подобная легализация ударит бумерангом в том числе и по экономике. Историческими примерами могут служить колониальная британская опиумная торговля в Китае, винные откупы в России (до первой половины XIX в.), иные явления. Тем не менее это не останавливает рост «порочных» доходов и связанную с этим постепенную легализацию (декриминализацию) когда-то запрещенной деятельности.

Упомянутое сочинение А. Смита писалось им как профессором моральной философии. Здесь были сформулированы известные принципы налогообложения¹, например – справедливости, которые непосредственно связаны с вопросами надлежащей этики.

В связи с вопросами экономической морали, более чем А. Смита, хочется вспомнить академика И.И. Янжула, который, в свое время, на «вакациях» выполнил исследование, результаты которого были отражены в его статье «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)»². Здесь он на основе анализа эмпирического материала и статистических данных показывал, что честность (порядочность) необходима для экономического развития.

С этическими общественными установками связано понимание чрезвычайных доходов, которое менялось по мере эволюции государственного хозяйства.

Известно, что в античном мире налогообложение граждан являлось чрезвычайной и разовой мерой. Для обозначения такого разового сбора в античных греческих полисах употреблялся термин «эйсфора»³. В Древнем Риме сходный платеж именовался термином «трибут». Эти платежи носили безвозмездный и поголовный характер, вводились решением высшего органа, что характерно для налогов. В новое время воззрение на налоги с граждан как на чрезвычайный источник дохода государства соответствовали идеям экономической школы меркантилистов, согласно которым основой государственного хозяйства должны быть домены

¹ Впрочем, многие из принципов налогообложения были известны уже римским юристам.

² См. также: Комягин Д. Л. Экономическая честность и экономический человек. Заметки на работу И.И. Янжула «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)» // Реформы и право. 2016. № 2. С. 48-50.

³ Гензель П.П. Очерки по истории финансов // Реформы и право. 2014. № 2С. 51-71.

(публичное имущество), а прибегать к сбору налогов нужно только в исключительных случаях.

По прошествии времени, «по мере того, как денежное хозяйство вообще вытесняет натуральное, и государственные потребности расширяются в такой степени, что доходов с собственных имуществ государя или государства оказывается весьма недостаточно <...> налоги, считавшиеся прежде чрезвычайным источником государственных доходов, выступают мало-помалу на первый план, а доход с казенных имуществ приобретает второстепенное значение»¹.

В этом ряду нельзя не заметить, что своеобразным возвратом к прошлому выступает советская идеологическая позиция в отношении налогов с населения, которые в целом рассматривались как отживающее явление, но целью введения которых называлось создание для советских граждан возможности участвовать в социалистическом созидательном строительстве².

Аналогично эволюции налоговой идеологии является развитие мнений по поводу публичного кредита (государственных заимствований). Еще до начала XIX в. он считался чрезвычайным, крайним средством пополнения государственного бюджета. Сегодня из чрезвычайного источника заимствования давно уже превратились в регулярный источник пополнения бюджетов всех уровней.

Продажа публичного имущества наряду с государственными займами первоначально также выступала как чрезвычайный источник доходов, использование которого могло быть оправдано только решением чрезвычайных задач (например войной). В этих и в подобных случаях допускалась «продажа государственных доменов, отчуждение их в частную собственность»³. Сегодня продажа публичного имущества не выделяется среди прочих неналоговых доходов бюджета, а приватизация выступает в качестве инструмента экономической политики и используется на постоянной основе для оптимизации структуры отраслей экономики, решения иных задач.

Таким образом, в разное время характер чрезвычайного источника государственных доходов носили такие обычные сегодня (ординарные) источники поступлений в бюджет, как налоги, государственные займы, продажа публичного имущества.

«Сомнительные» доходы. Еще одной гранью приложения этики к экономике и публичным финансам является позволительность только таких налогов, которые «не истощают производительных сил общества»⁴. Но и

¹ Ходский Л. В. Основы государственного хозяйства. СПб., 1913.

² Цыпкин С. Д. Правовое регулирование налоговых отношений в СССР. М., 1955.

³ Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права. М., 2004.

⁴ Лебедев В. А. Финансовое право: учебник. Т. 2. М., 2000. С. 204.

здесь все неоднозначно. Хорошим примером в этом отношении является деятельность по производству и обороту алкоголя в России.

Отношение к «винным доходам» в России не первое столетие колеблется между двумя полюсами – полным запретом продажи алкоголя (сухой закон) и фискальным интересом, связанным с получением значительного объема доходов от откупов или акцизов при производстве и обороте алкогольной продукции. Низкая себестоимость и высокий уровень потребления алкоголя издавна обращали внимание на этот источник доходов. Так, Л.Н. Яснопольский замечал, что «ведро водки само по себе стоит не дороже как 1 руб. 15 коп. – 1 руб. 20 коп., а казна продает его за 8 руб. Стало быть, кто выпьет шесть-семь стаканчиков, платит за самую водку только за первый стакан, а за остальное казна с него собирает уже чистый налог»¹.

В свое время в Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения России была зафиксирована цель по снижению объемов потребления населением алкогольной продукции и в ее развитие принят ряд нормативных правовых актов, сокращающих оборот алкоголя (запрет ночной торговли, ужесточение требований к местам продажи, повышение минимальной цены и т.д.)². Позже было и изменено наименование профильного закона, в которое включили слова об ограничении потребления алкогольной продукции³. Одновременно ведомство, отвечающее за контроль в сфере производства и оборота алкоголя⁴, вместе с вопросами правового регулирования отрасли, перешло из прямого подчинения Правительству РФ в ведение Минфина России, деятельность которого направлена на обеспечение фискального интереса. Таким образом, регулирование производства и оборота алкоголя и до сегодняшнего дня носит несколько противоречивый характер.

Другими примерами сомнительных доходов является деятельность, связанная с производством и реализацией табачной продукции, с услугами организации азартных игр.

Следует сказать, что деятельность по организации азартных игр, несмотря на общественное осуждение, развивается: в последние годы появились такие направления, как гемблинг, беттинг, онлайн-казино, онлайн-тотализаторы. В России ограничения игорного бизнеса в основном касаются месторасположения игорных заведений, однако введен налог на

¹ Яснопольский Л. Н. Очерки русского бюджетного права. М., 1912.

² Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2009 № 2128-р.

³ Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

⁴ На тот момент – Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка.

игорный бизнес, что, по сути, означает легальность в Российской Федерации такого рода деятельности¹. В Турции, Мексике, Израиле, а среди европейских стран – в Сан-Марино, Лихтенштейне и Республике Кипр создание игорных заведений в любой форме собственности законом не допускается. Противоположный пример – китайский Макао, экономика которого, можно сказать, построена на игорном бизнесе.

Употребление алкоголя и табака (курительных смесей) помимо общественного неодобрения негативно влияет на здоровье потребителя, что, помимо прочего, означает ущерб для человеческого капитала и дополнительные публичные расходы на здравоохранение.

В России действует федеральный закон «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»², который предусматривает различные меры по сокращению потребления табака. Тем не менее, полного запрета на продажу табака не происходит. Появляются новые виды курительных смесей, а также электронные сигареты. В соответствии со ст. 6 Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака³, при определении национальных ставок налогов на табачные изделия государства-участники должны стремиться к тому, чтобы сделать табачную продукцию менее доступной для населения. Таким образом, с точки зрения ВОЗ, повышение ставок акцизов на табачные изделия должно вести к сокращению их потребления. Это, однако, спорно, так как повышение ставок удовлетворяет также и фискальный интерес.

На протяжении последних десятилетий заметна тенденция по легализации так называемых «легких наркотиков»⁴, вызванная, прежде всего, фискальным интересом⁵.

¹ После введения Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» запрета на азартную деятельность игорный бизнес в России был ограничен, а с 1 июля 2009 г. его осуществление разрешено только в четырех специально отведенных игорных зонах (в Алтайском, Краснодарском и Приморском краях, а также Калининградской области). Позднее появились игорные зоны в Сочи и в Ялте (в перспективе). На остальной территории страны проведение азартных игр запрещено. Исключения составляют букмекерские конторы, тотализаторы, лотереи и спортивные покер-клубы.

² Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ

³ Доклад ВОЗ о глобальной табачной эпидемии, 2015 год Женева, URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/204170/1/9789240694606_rus.pdf?ua=1 (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Такое разделение на мягкие и жесткие наркотики выполнено, например, в т.н. Опиумном законе (Opiumwet) в Нидерландах.

⁵ Например, в Таиланде, Израиле.

Итак, источники доходов, связанные с производством и оборотом алкоголя, табака, электронных сигарет, организации азартных игр и подобные им, могут быть отнесены к категории сомнительных. Эксплуатация названных источников доходов, как правило, влечет за собой негативный социальный и экономический эффект, в связи с чем их можно назвать *инфляционными*. Тем не менее такие доходы извлекаются легально, в рамках принятых для этого правовых норм.

Доходы дискриминационные и недопустимые. Следует сказать и о доходах от войны. Такие доходы напрямую не предусматриваются национальным законодательством, не планируются в бюджете государства. Отказ от войны как орудия национальной политики был утвержден еще Парижским пактом 1928 г., с принятием Устава ООН была заложена система международной безопасности, а в Декларации ООН о принципах международной безопасности 1970 г. агрессивная война провозглашена преступлением. Однако объемы продажи вооружений непрерывно растут, торговля оружием представляет собой существенный источник публичных доходов.

Ряд иных источников публичных доходов, связанных с платежами переходного (постреволюционного) периода, часто представляют собой дискриминационные действия, противоречащие правовым принципам и практикуемые в условиях отсутствия правового регулирования. Такие источники будут уже за границей допустимой морали, их можно именовать *революционными*. Начать перечень указанных источников доходов можно еще с проскрипций времени правления в Риме Суллы Счастливого (I в. до Р.Х.). Всякий, кто убивал или выдавал людей из проскрипционного списка, получал награду. Имущество лиц (как правило, людей богатых), попавших в списки, конфисковывалось в казну, а рабы освобождались. Подобные репрессии, к сожалению, известны и в российской истории.

«Революционные» источники доходов, которые не могли быть одобрены народными представителями при нормальном течении жизни, и даже в чрезвычайных обстоятельствах, появились после событий октября 1917 г. в России. В постреволюционный период после быстрого исчерпания одного «революционного» источника применялся следующий по списку, а вся картина представляла собой стремительную деградацию и натурализацию публичных финансов. Данная картина не является исключением из правил, а сопровождает вообще революционные перевороты во все времена и по всех странах.

Первый из упомянутых источников – это неограниченная эмиссия денежных знаков. Такой способ добывания доходов начал применяться сразу после февральских событий 1917 г. и уже не прекращался. В то же время по мере роста инфляции и развала народного и государственного хозяйства печатный станок как источник доходов быстро терял свою

эффективность. Отмечено, что летом 1917 г. требовалось печатать 60 млн. руб. в день, но технических возможностей Экспедиции изготовления государственных бумаг хватало только на 30 млн¹. Руководитель Государственного казначейства Г.Д. Дементьев с грустной иронией заметил: «... беда в том, что в России только одна фабрика изготавливает кредитные билеты ... до 1917 года она справлялась со своей задачей, а в этом году уже не успевает печатать, сколько необходимо»². В постфевральской России Экспедиция изготовления государственных бумаг (нынешний Госзнак) была единственным успешно функционирующим предприятием. Петербургская фабрика перешла на работу в три смены, осуществляла непрерывную печать новых упрощенных банкнот, но их все равно недоставало.

Следующий источник – экспроприация предприятий. Этот источник после захвата власти большевиками какого-то заметного дохода не дал из-за остановки производства и роста инфляции. Еще до октябрьских событий 1917 г. угроза конфискации предприятий вызвала массовый отток капиталов за рубеж и прекращение создания новых производств.

Вместе с экспроприацией был применен и другой революционный способ пополнения казны – дискриминационные налоги (налогами они являлись только по названию). Сначала чрезвычайный налог на прирост прибылей с торговых и промышленных предприятий и доходов от личных промыслов, введенный декретом СНК 24 ноября 1917 г. Предусматривались санкции за просрочку платежей или уклонение от уплаты вплоть до расстрела и единый срок для уплаты всех ранее введенных налогов. Далее, декретом СНК от 14 августа 1918 г. был введен единовременный сбор на обеспечение семей красноармейцев, который взимался с владельцев частных торговых предприятий, имеющих наемных работников. Постановлением ВЦИК и СНК от 28 октября 1918 г. был введен единовременный чрезвычайный десяти миллиардный революционный налог для нужд Красной Армии. Эта сумма была распределена (разверстана) между губерниями, а сам налог взимался только с лиц, принадлежащих к имущим группам городского и сельского населения, потому что «богатства эти необходимо немедленно и целиком взять у паразитических и контрреволюционных элементов населения и обратить их на неотложные нужды революционного строительства и борьбы»³.

¹ Владимирович Е. Три краха: финансы, промышленность, государственность. Одесса, 1917. С. 7.

² Дементьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 года. Пг, 1917.

³ Постановлением ВЦИК и СНК от 28 октября 1918 г.

Дискриминационные налоги быстро приобрели натуральный характер. Декретом ВЦИК от 30 октября 1918 г. был введен натуральный налог, который строился по аналогии с еще действующим в то время подоходным налогом (взимался с излишков продуктов сверх потребности хозяйств и по прогрессивной системе в зависимости от количества десятин посева, численности скота в хозяйстве и с учетом количества едоков). Декретом СНК от 11 января 1919 г. была введена общегосударственная продовольственная разверстка, которая вытекала из хлебной монополии советской власти. План сбора зерна был разверстан по губерниям. Теперь изымались уже не излишки, а зачастую все, что имелось, даже посевные запасы. Позже декретом СТО от 19 ноября 1919 г. были введены и натуральные повинности – дровяная, трудовая, гужевая.

При отсутствии государственного аппарата все властные функции, в том числе сбор доходов, осуществлялись местными советами, в силу чего чрезвычайный и продовольственный налоги и, тем более, продразверстка «... быстро превратились в произвол местных советов, напоминая бандитское обложение данью. Промышленникам, предпринимателям в кратчайшие сроки предлагалось выплатить весьма значительные (в несколько миллионов) суммы под угрозой конфискации и ареста. Под такое обложение попадали и крестьяне, горожане, даже служащие»¹.

В целом экспроприация никаким образом не напоминала правомерную процедуру национализации, а продналог, продразверстка и изъятие церковных ценностей под предлогом помощи голодающим² – чрезвычайный налог. И то и другое гораздо более походило на грабеж. В итоге еще вполне зажиточное и самодостаточное сельское население России скоро было ввергнуто в нищету, а сельскохозяйственное производство упало в несколько раз, что вызвало острейший дефицит продовольствия и голод.

Однако все перечисленные источники не давали большого эффекта. Следуя своей зловещей логике, революционный гений рассудил: раз нельзя взять необходимое имущество с человека, то можно использовать самого человека. И тогда (начиная с 1923 г.) был применен новый революционный способ извлечения доходов – фактически *рабский труд* (на лесозаготовках, прокладке дорог, иных работах). Начало экономики ГУЛАГа было положено на Соловках с продажи за рубеж и за золото карельского леса. Цифры полученных доходов так и не получили огласки, сами доходы не

¹ Соколов Е.Н. Финансовая политика советского государства (октябрь 1917 – март 1921 г.). М., 2016. С. 31.

² Фактически изъятые церковные ценности были частично расхищены, частично направлены на закупки импортных товаров (расходы ГПУ и Коминтерна). В это же время (в период голода) осуществлялся экспорт зерна за границу, дорогостоящие покупки недвижимости для торговых представительств советской республики в европейских странах.

вышли за пределы ОГПУ. Парадоксом выглядит тот факт, что основанная на рабском труде заключенных система ГУЛАГа действовала по сформулированному одним из ее создателей Н.А. Френкелем принципу хозрасчета. Ему же принадлежит фраза: «Получить от заключенного максимум пользы в первые три месяца его работы, дальнейшее не важно».

Несколько слов следует сказать и о доходах, извлекаемых в результате противоправной деятельности. Такие доходы могут перераспределяться в пользу государства легальным способом – посредством применения мер уголовной, административной, налоговой ответственности в форме конфискации, штрафов, налоговой амнистии.

Налогообложение доходов, полученных от преступной деятельности, явным образом наносит ущерб соблюдению принципа законности в государстве и может быть истолковано как фактическая декриминализация такой деятельности. Однако, в современном мире существует практика налогообложения незаконных доходов, и эта практика постепенно расширяется. Речь идет, прежде всего, о государствах общего права, в числе которых можно назвать Англию, Ирландию, Канаду, Австралию, иные страны Британского содружества. В первую очередь, однако, следует вспомнить о толковании Верховным Судом Соединенных Штатов Америки шестнадцатой поправки к Конституции США по поводу введения подоходного налога, которая устанавливает право Конгресса США «устанавливать и взимать налоги с доходов, из какого бы источника они ни происходили». Судебная практика применения данной нормы в отношении доходов бутлегеров, представителей организованной преступности (дело Аль Капоне), коррупционеров и нарушителей корпоративных норм складывается уже на протяжении почти столетия.

Развитием указанной практики является требование декларировать любые (в том числе – незаконные) доходы. При этом информация защищается налоговой тайной¹, однако декларирование вовсе не означает исключения уголовной ответственности за соответствующие преступления. Здесь может присутствовать и иное рассуждение – средства, полученные преступным путем, могут приносить прибыль уже в рамках легальной деятельности, что автоматически означает необходимость налогообложения, но не исключает последующей конфискации всех доходов в пользу государства.

Выводы. С учетом вышеизложенного, выскажем гипотезу о том, что следует различать «налоги на грех» по их содержанию и целям.

Во-первых, «налогами на грех» часто именуют такие налоги, которые увеличивают стоимость товара, являющегося вредным для здоровья или

¹ В Ирландии в девяностые годы прошлого века принят ряд законов о раскрытии такой информации.

отрицательно влияющего на экологическую обстановку (продукты, содержащие много сахара, пластиковые упаковки и пр.). В этом случае налоги выражают, скорее, заботу законодателя (правительства) о здоровье гражданина и защите окружающей среды.

Во-вторых, существуют такие явления, которые, согласно устойчивым этическим воззрениям большинства, считаются абсолютно недопустимыми (наркомания, работоторговля, торговля человеческими органами и т.д.). Отрицательное отношение к этим явлениям фундировано базовыми ценностями (жизнь, здоровье, безопасность).

В-третьих, существуют такие «грехи», которые, при всеобщем признании их вреда для человека и общества, существуют в состоянии «полупризнания» в силу исторических, экономических, культурных причин (употребление алкоголя, табака, курительных смесей на основе легких наркотиков, азартные игры, проституция, ростовщичество). С позиции философских и религиозных воззрений, хочется отметить, что подобные страсти в целом совпадают с перечнем прегрешений насельников верхних кругов дантовского ада. Этот же круг пороков соответствует аристотелевской «невоздержанности», за которой следуют уже «скотство» (уподобление скоту) и «буйство» (абсолютная порочность). Дискуссионный характер имеют доходы от секуляризации церковного имущества, которая может выполняться с разной степенью компенсации.

Библиографический список

1. Гензель П.П. Очерки по истории финансов // Реформы и право. 2014. № 2. С. 51-71.
2. Владимирович Е. Три краха: финансы, промышленность, государственность. Одесса, 1917. – 16 с.
3. Дементьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 года. Пг, 1917. – 54 с.
4. Исаев А. А. Благотворительность и общественное призрение // Реформы и право. 2016. № 4. С. 40-58.
5. Крамер С. История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. – 256 с.
6. Комягин Д. Л. Субъект или образ? Этические и правовые аспекты моделирования человека // В кн.: Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния / отв. ред.: В. А. Виноградов / под общ. ред. В.А. Виноградова, А. А. Ларичева, Л. В. Солдатовой, А. Н. Степановой. М.: Проспект, 2023. Гл. 1.3. С. 45-62.
7. Золотые страницы финансового права России. Т. 2. Лебедев В.А. Финансовое право. М.: Статут 2000. – 464 с.
8. Назаров В. Н. Этико-философские и культурные основания феномена пороков // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). Вып. 38. С. 11-16.
9. Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права. М.: Статут, 2004.
10. Озеров И.Х. Государственный кредит: конспект лекций по финансовому праву. М., 1901. – 160 с.

11. Соколов Е.Н. Финансовая политика советского государства (октябрь 1917 – март 1921 г.). М.: Перо, 2016. – 319 с.
12. Золотые страницы финансового права России. Т. 1: У истоков финансового права. / М. М. Сперанский, Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов. М.: Статут, 1998. – 427 с.
13. Фридман М. И. Винная монополия. СПб.: тип. «Правда», 1914. – 548 с.
14. Ходский Л. В. Основы государственного хозяйства: Курс финансовой науки. СПб: тип. Ю.Н. Эрлих (влад. А.Э. Коллинс), 1913. – 580 с.
15. Цыпкин С. Д. Правовое регулирование налоговых отношений в СССР. М.: Госюриздат, 1955. – 76 с.
16. Янжул И. И. Экономическое значение честности (забытый фактор производства). М., 1912. – 27 с.
17. Яснопольский Л. Н. Очерки русского бюджетного права. М.: типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912. – 27 с.